

Рауфа Кариева
Повесть о тараканах

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Кариева Р. Р.

Повесть о тараканах / Р. Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Текст этой повести не просто авторский. Он уникальный. События, описываемые в книге - абсолютно реальные. Все, кто уже читал повесть - в восторге.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Рауфа Кариева

Повесть о тараканах

Пролог

Я заметила одну закономерность. Как снимешь квартиру, грязную, с неисправной сантехникой, кишашую тараканами, и так и живешь какое-то время – все нормально, тебя не выселяют. Стоит только сделать ремонт, вывести тараканов, поменять трубы, а то и унитаз – мгновенно у хозяев возникают «обстоятельства» – то сын женится, то внучка замуж выходит, то родственники в этот город насовсем переезжают. И тебя просят съехать.

В предыдущей московской квартире была т а к а я халупа – прогнившие трубы, вспученные полы, вываливающиеся оконные рамы – ну, чистый бомжатник. Кто из людей в гости приходил – застывали от ужаса.

Хозяин квартиры был очень хороший. Всегда говорил: у нашей семьи несколько квартир. Живите здесь, сколько надо – на эту квартиру никто не претендует. Просто надеемся, вдруг дом снесут – очень старый – и нам перепадет новостройка.

И вот ровно год назад – в 2012 – на кухне сажу, пью кофе, и вдруг на моих глазах вспыхнула газовая колонка. Тушила я этот пожарчик – кофе и соком. Колонку эту, как и всё в квартире, установили в 1961 году, когда дом только построили. Хозяин всегда хвалился, что никогда в этой квартире ничего не менял.

Нервы от загоревшейся колонки у меня «съехали» – вызвала газовщиков на замену колонки, и сантехников заодно, на замену труб в ванной и кухне. Купили мы всё, что надо – всё поменяли. Ровно месяц я таскала грязь за рабочими.

Хозяин – такой хороший человек, искренний – думала я. Закономерность не сработает – не выселит.

Прошло два месяца. Пришел хозяин и сказал, что его сын женился. Съезжайте.

Так что закономерность моя не поимела исключения. Несмотря на то, что хозяин этой квартиры действительно – очень порядочный человек. Но от него не зависело действие этого «мирового» закона.

А насчет тараканов – так вот при всей бомжатности этой квартиры, а жили мы в ней 7 лет – тараканов в ней не было. Однажды я даже расстроилась из-за этого факта. Мою посуду на кухне – слушаю зомбоящик. Идет очередная таинственная передача – страшилки. Слышу – ученые важные выступают, и говорят, что на всей Земле исчезли тараканы. Как вид. Это есть предвестник конца света. Я напряглась. Тараканов-то действительно нет, думаю, правду говорят.

Пошла гулять с собакой в сквер, где собирались собачники всего района. Спрашиваю у всех: у вас дома тараканы есть? Отвечают, что нет. Давно не видели ни одного.

Ну, всё, думаю, действительно, тараканы исчезли как вид. Конец света не за горами.

Рано я расстраивалась. Спустя пару дней зашла в фирменный магазин известного мяскокомбината. Смотрю – сидит на прилавке таракан – усами шевелит, покупателей оглядывает. Все нормально. Вид сохранен. Жить будем.

Часть 1

Душанбе

1980 год

В детстве я не помню, чтобы на кухне у мамы, или бабушки, было бы засилье тараканов. Были тараканы в ванной, по трубам ползали, в сырости. А на кухне, такие рыжие, небольшие – нет, отсутствовали. Таких не было. Но это не значит, что их не было в Душанбе. Были, и в огромном количестве. Например, в 1980 году встреча с тараканами запомнилась мне особо. Дело было так.

Рожала я в «чистом» роддоме. Но были и «нечистые» роддомы. Речь не идет о том, что где-то мыли, а где-то не мыли. Мыли везде – с трудовой дисциплиной в 1980 году еще все было в порядке. Просто были «особо инфицированные» больницы, и более или менее «неинфицированные» – «чистые».

Мне так хотелось быстрее выписаться из «чистого» роддома, что я скрыла от врачей свою высокую температура. Были тогда более важные проблемы – по здоровью младенца, все решали их. А на меня внимания не обращали. Я в день родов простудилась, кашляла – и решила, что болею своим традиционным бронхитом – ничего, пройдет.

Дома занималась с младенцем, свое собственное ухудшающееся самочувствие считала нормой. Ведь после родов же я – не шутка!

И вот, видимо, я совсем разболелась..... Очнулась в Скорой помощи, по дороге, в машине. Она в ночи меня куда-то везла. Без ребенка. Я выглянула в окно – темно, и где мы едем – не понять.

Меня привезли в какую-то больницу, в приемный покой, и там оставили на тележке. Тележку затем кто-то вкатил в огромный, почти пустой кабинет. Только в дальнем углу стояло гинекологическое кресло, а чуть поодаль – письменный стол. И все. Пусто.

Была глубокая ночь. Тишина и никого. Затем пришел молодой парень. Он был заспанный, какой-то весь помятый. И кутался в синий халат. На вид ему было лет 25, у него был белокурый кудрявый чуб набок, как у донских казаков. Так как парень подошел ко мне и стал осматривать меня, как доктор, я догадалась, что это дежурный врач. Очень удивилась. Я впервые видела гинеколога – мужчину и очень смутилась. А по внешности этого парня, в другой обстановке, подумала бы, что это недавний выпускник училища по монтажу электрооборудования.

Доктор включил верхний свет, посмотрел мне в лицо, потыкал пальцем в живот. Затем свет верхний выключил, сел в дальнем углу за письменный стол с включенной настольной лампой, и стал что-то писать.

Доктор так долго что-то писал, что я забеспокоилась. Я всегда, когда сильно болею, умирать собираюсь – кажется мне, что конец мой пришел. А тут: доктор смотрел меня минуту, а пишет целый медицинский трактат. Ну, всё, решила я, совсем я плоха, видимо – доктор пишет отчет о причинах моей смерти. Заранее.

Прошло еще какое-то время. Я устала ждать, лежа на этой тележке – страшно пошевелиться, еще упадешь. И решила заговорить с доктором: «Доктор, а что со мной?».

Доктор, не отрываясь от писанины, ответил: «Классика. Называется родильная горячка. Или сепсис. Или заражение крови. От этой болезни в 19 веке умирала половина рожениц. Но сейчас не страшно. Пенициллин творит чудеса».

Мой муж потом меня «поедом ел», что я поехала рожать в Душанбе. Его мама сказала ему, что от этой болезни можно умереть. Она объяснила ему, что родильная горячка у меня случилась, потому что «домик» ребенка – кусочек – остался в моем организме и загнил. (Чушь!

Мне показывали послед. Он был целехонький). Муж поэтому с подачи своей мамы винил в моей болезни душанбинских врачей. Но я думаю, что простуда, нервозность после родов, застой молока – это были решающие факторы для распространения воспаления по всему организму по крови. А не «кусочек домика ребенка», по версии моей свекрови.

Меня отвезли в палату, положили на кровать у окна, и стали усиленно колоть пенициллином, каждые три часа, и постоянно что-то вливать в вену – поставили рядом капельницу.

Однажды через капельницу мне вливали донорскую кровь. Я даже разглядела на бутылке фамилию донора – много лет ее помнила, а потом забыла (эх, надо было записать).

Первые два-три дня в больнице прошли сумбурно. Я не вставала с постели. Только помню, что вела себя очень беспокойно: все время вопила, что, мол, мне то жарко, то холодно. Помню, что кто-то постоянно то укрывал меня, то убирал одеяла. Также помню, что мне примокали лоб салфеткой. Оказывается, так друг за другом ухаживали соседки по палате. Это я потом узнала, в дальнейшем: кому уже было полегче (ходячие), ухаживали за «тяжелыми» (лежащими).

И еще я запомнила, что неизвестно откуда, все время – так мне казалось – звучала музыка.

Потом я ожила и села на кровати. Огляделась. В палате, кроме меня, было 8 женщин. Кровати были панцирные, и возле каждой кровати стояла тумбочка. Посередине палаты стоял обеденный стол и несколько стульев: так как больница была «нечистая», септическая, еду нам приносили прямо в палату (в обычных больницах в каждом отделении есть общая столовая и все кушать ходили туда). А у выхода из палаты находился огромный холодильник.

Я обернулась, выглянула в окно. За окном бушевал май. Свежая зелень разросшихся деревьев – не разглядишь ничего вокруг.

Первое, что я спросила, это «где я?» – не в смысле, вообще (я понимала, что я в больнице) – где эта больница в городе, а второй вопрос был о музыке. Я предположила, что музыка мне мерещилась.

Мне растолковали, что больница эта находится недалеко от площади Ленина. Если стоять лицом к памятнику Ленину, то слева будет кинотеатр Джамии, а в больницу пройти надо правее, вглубь сквера. Больница большая, много разных корпусов и отделений. Есть и септическое – даже роддом – с отдельным выходом. Там рожают заведомо больные женщины. А в «септику» везут всех заболевших после родов – это и сепсисы, и маститы и прочие дела, связанные с инфицированием. То есть больница эта – «нечистая».

Я ничего не поняла относительно расположения больницы, так как ранее не подозревала существования таковой. А музыка мне, оказывается, не мерещилась. Септическое отделение, где я теперь находилась, упиралось в забор между больницей и горсадом – городским парком. А за забором была танцплощадка. Там по вечерам были ТАНЦЫ.

Музыка с танцплощадки, слышимая мной в этой больнице, будила во мне бурю эмоций. Мне казалось, что я нахожусь в каком-то подземелье, закованная в кандалы. У меня болит все тело и все внутренности. Я мучаюсь и страдаю. А кто-то где-то радуется жизни и танцует. Я завидовала.

Но в тоже время, музыка радовала меня. От этих звуков теплело в душе: ведь есть шанс выздороветь и присоединиться к танцующим! Кстати, одну из песен, которую постоянно «крутили» на танцплощадке, я обожаю до сих пор. Она у меня ассоциируется со счастьем и надеждой. В этой песне есть такие слова: «Ты у калины жди, я к тебе прибегу».

Итак, первые дни в больнице были насыщены событиями особого характера, и тараканов – а рассказ мой именно о них – я не замечала.

Впервые я задумалась о них, когда увидела, как мои соседки по палате готовились ко сну. Они все затыкали уши ватой, а ножки кроватей обмазывали вонючими лекарственными

мазями. Действие сие было прокомментировано: от тараканов. Такие же манипуляции сделала и я.

Утром, когда я проснулась и свесила с кровати ноги, нацелив их в стоящие рядом на полу тапочки, произошло мое первое впечатляющее свидание с тараканами. Они ночевали под тапками. Целым кланом. Штук тридцать, разных размеров. Ночи-то прохладные. В кровать их не пускают – мазями ножки кроватей смазывают, так они под тапками пригрелись.

Позже стало ясно, что тараканов везде тучи. В тумбочках, по стенам, за шкафом. Но особенно огромная колония расположилась на стене за холодильником. Я заглянула туда и просто пришла в «восторг». Пошурудишь палкой – они не боятся и не убегают! От агрегата холодильника исходит тепло – и они там и пригреваются. Просто кишмя кишат. Видимо, это у них был санаторий, и роддом, и детский сад.

Все свободное от медицинских процедур время все мы были заняты борьбой с тараканами. Вернее, защитой от них. Борьба без химикатов было, конечно, бессмысленно.

Я спрашивала у медработников – почему централизованно не травят тараканов, ведь все же это больница, а не мусорная свалка? Мне ответили, что регулярно травят. Но ничего не помогает. Здание старое. Тараканы прячутся. Химикаты выветрятся, и тараканы из щелей вылезают и опять чувствуют себя хозяевами.

Честно говоря, это было ужасно. Противно. Но однажды в связи с этими тараканами я проявила не только брезгливость, но и настоящую агрессию. Дело было так. В начале дня вбегает старшая медсестра в палату – а мы доедали свои завтраки, каждый у своей тумбочки (за общим столом все не помещались) – и так строго-строго приказывает: быстренько все убрали, идет обход, САМ главврач со свитой заходит в каждую палату.

У меня от этих слов закипела злость. Я дерзко ответила старшей медсестре, что у нас время завтрака, мы больны, после родов, и для нас главное хорошо питаться, чтобы выздороветь. А главврач, сказала я, может и попозже придти. На эти слова старшая медсестра начала на меня кричать, и на всех тоже: быстро все убрать с тумбочек, развели тут грязь! Тогда я подскочила в два прыжка к этой взрослой женщине, схватила ее за руку, подтащила к холодильнику, и чуть ли не носом ткнула ее в щель между стеной и агрегатом. А там колония – штук пятьсот. Сидят, усами шевелят. Я все это сделала с такой злостью, что женщина и не сопротивлялась, и ничего мне не отвечала. И еще я ей злобно сказала, что бы она убиралась отсюда, а придет Главный, так я ему тоже этот зоопарк покажу, и ему будет не до наших тумбочек, на которых стоят наши завтраки.

Мне стыдно вспоминать этот эпизод. Но не потому, что я была не права. Я была права. Просто такую злобу и раздражение в себе обнаружила – сама даже испугалась. И стыжусь теперь.

Главный врач пришел со свитой молодых врачей, и не посмотрел на наши тумбочки. Вся компания вела высокие разговоры на медицинские темы.

А еще мы в этой больнице постоянно занимались сцеживанием молока. Но его приходилось выливать в раковину. Для кормления детей оно не годилось. Мы не были здоровы. Эта картина – как все сидят и сцеживают – осталась в моей памяти какой-то нереальной. В то время, в этой больнице, как-то притупились чувства стыдливости, что-ли. Когда и где мы бы еще вот так целыми днями с голыми сиськами рассиживались?

Да что сиськи! Шедевром родильного периода женщин тех времен я считаю прокладки. Не те, что сейчас по телевизору рекламируют! О чем я – поймут женщины только моего поколения и старше! Молодые – точно не поймут.

При каждой больнице были прачечные. Они работали неустанно. Сутками напролет. Кроме больничных халатов – все ведь было только казенное, в больницах домашней одежды не разрешали, на всем тряпочном стояли черные штампы больниц, причем на самом видном

месте – и постельного белья, под стерилизацию попадали и бывшие пеленки, приспособленные для женщин.

Еще в чистом, Первом роддоме, что на улице Красных партизан, я увидела в родильном отделении две огромные тележки на колесиках. На одной тележке было написано: «Чистые прокладки», а на другой: «Грязные прокладки». Эти прокладки представляли из себя обычные детские пеленки – когда-то они были белые – из бязи, или плотного хлопка. Их складывали четыре раза, чтобы они в сложенном виде выглядели как прямоугольник примерно 5-7 см на 15-20 см. Толстый и грубый такой прямоугольник. В «чистой» тележке эти прокладки были именно так сложены – прямоугольными штабелями. Видно было, что их старательно стирали, кипятили и пытались отбелить – от них за версту пахло хлоркой, а также их гладили. Однако белыми эти тряпки были давным – давно. (Пятна от крови не выводятся. Они принимают вид страшных бурых разводов).

Особенно я испугалась, когда пришло время впервые отправить свою использованную пеленку в «грязную» тележку. Я заглянула в нее – а там было штук сто окровавленных скомканных тряпок. Когда эта тележка заполнялась, приходила крепкая широкая хозяйственная няня – и укатывала это все в прачечную – стирать. И подгоняла нам новую тележку – с постиранными пеленками.

Так вот, эти пеленки – чистые – нужно было брать самим и зажимать между ног. Трусы носить в роддомах и гинекологических отделениях не разрешали. А использованную пеленку нужно было бросить в «грязную» тележку. Манипуляция должна была происходить по мере надобности.

Новенькие первородящие обучались этому мастерству у бывалых, тут же. Как зажать пеленку – еще не так трудно было изучить. А вот ТАК ходить – надо было тренироваться. Все женщины ходили как уточки – ведь надо было умудриться эту пеленку не выронить по пути. Многие ходили так: придерживали рукой передний край пеленки через халат и ночнушку. Но так не разрешали медсестры. Говорили, не трогайте руками лишний раз эту пеленку – занесете инфекцию (!).

Ходить – это еще пол беды. Особенно трудно было сидеть. Пеленка комком и колом стояла – сидеть было больно и неудобно. И лежать тоже надо было осторожно, следить, чтобы прокладка плотно прилегала к телу.

Но так было принято тогда – видимо из медицинских соображений. Приходили врачи, им было очень удобно оценивать состояние женщин – они пальчиками брали эту прокладку-пеленку за передний край, отгибали ее, и смотрели на ее состояние. Это определяло здоровье женщины. Что ж, разумно.

И по бедности, я думаю, вся эта стирка в те времена осуществлялась. Так же как во время Первой Мировой войны – вообще – даже бинты стирали.

Я была удивлена методикой использования пеленок – сначала – очень. Меня никто не предупредил, что такое будет! После родов, ни для кого не секрет, у женщин еще бывают всякого рода выделения – такая уж природа. Но я не представляла, что все будет выглядеть так ужасно.

Видимо, не я одна считала это ужасным и неудобным – хождение странной походкой с зажатой между ног огромной тряпкой.

В соседнюю палату привезли новенькую. Молодую худенькую девчонку – блондинку. Тоже с осложнениями после родов. Через пару дней слышу крик в коридоре – медсестра эту девчонку увидела и по НОРМАЛЬНОЙ походке определила, что та либо без пеленки, либо трусы надела. И точно. Девчонка не поняла, как это можно ходить с таким кляпом между ног – она могла бы в эту пеленку даже завернуться – ростом маленькая была. И надела трусы. Поверх пеленки. Медсестра кричала так, будто было совершено вражеское нападение на больницу. Нельзя из дома трусы приносить, поучала она – занесете инфекцию (!). Девчонка пыта-

лась возражать, что она, мол, не может с пеленкой ходить – неудобно. А медсестра вынесла приговор: все ходили, ходят, и будут так ходить. И ты учись. И отняла у нее трусы. Сказала, вот придет муж девчонки, она ему (!) трусы отдаст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.